

ФИЛОСОФИЯ КАК ИНСТИТУТ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ: ЛЮДИ, СИСТЕМА ИДЕЙ, ИНСТИТУТЫ И СООБЩЕСТВА

Экспертная дискуссия

DOI: 10.32691/2410-0935-2018-13-179-212

В 2017 году гуманитарный альманах «Человек.RU» (главный редактор С. А. Смирнов) и журнал «Личность. Культура. Общество» (главный редактор Ю. М. Резник) организовали и провели заочную дискуссию на тему, посвящённую ситуации в отечественной философии с точки зрения её институционального и концептуального развития.

Мы предложили коллегам несколько вопросов. Ниже приводим эти вопросы и ответы тех авторов, которые прислали в наш гуманитарный альманах свои ответы. Материал других коллег, приславших свои ответы в журнал «Личность. Культура. Общество», читатель может посмотреть в этом журнале (2017, т. 19. № 3-4, С. 131-198).

Вопросы

1. Можете ли Вы назвать пять крупнейших российских философов мирового уровня, сопоставимых с именами Декарта, Канта, Ницше, Хайдеггера, Делёза, Фуко или хотя бы приближающихся к ним по масштабу мысли? Если нет, то, что мешает им появиться? Или мы живём в век медийных персонажей и коллективных идеологических машин? И времена великих гениев ушли? Или этих гениев делают только их последователи и то спустя много десятилетий после их ухода из жизни?

2. Бытует мнение, что философия – это то, чем занимаются философы. Но то, чем они занимаются, можно назвать производством идей, концептов и конструктов, описывающих и объясняющих мир сквозь призму всеобщего. Так считают многие исследователи, хотя далеко не все из них. Насколько, на Ваш взгляд, применим парадигмальный подход к развитию отечественной философии? Другими словами, существуют ли в ней парадигмы как способы постановки и решения проблем? Или речь идёт о крупных исследовательских программах, которые объединяют сторонников базовых идей, делая их единомышленниками и соратниками? Что лучше использовать в качестве критерия выделения основных направлений развития философской мысли в России – парадигмы или программы? Что ещё, укажите.

3. Можно ли рассматривать философию с точки зрения устоявшейся социальной формы как институт и описывать её статус в институциональных терминах? Если да, то каковы институциональные признаки российской философии? Или такое понимание применимо лишь к оценке развития западной философии? Может быть, философия должна оставаться уделом мыслителей-одиночек? И из неё не надо делать некий институт, превращать в учреждение или учебную дисциплину в угоду научным функционерам?

4. Имеется ли в России полноценное философское сообщество с разветвленной сетью институций, международных связей и выраженной структурой лидерства? Если да, то каковы его признаки? Если нет, то, что мешает ему состояться в наших условиях? Считаете ли Вы, что в нашем философском сообществе более выражено, чем на Западе, деление на «центр» и «периферию»? Что отличает «периферийную» философию? И являются ли на самом деле Москва и Санкт-Петербург, где сосредоточены большинство специалистов по философии, центрами отечественной философской мысли?

5. Известны ли Вам философские школы в России, понимаемые как устойчивые институции со своими традициями, основателями, научными изданиями, системой подготовки кадров и т.д.? Насколько применима к нам классическая схема лидерства в науке «учитель – ученик»? Философской школе присваивается имя её создателя (например, Школа Платона). Вы считаете, что у отечественной философии может быть много лидеров и анонимных центров философской мысли, конкурирующих друг с другом на парадигмальном уровне?

6. Как Вы относитесь к такой институциональной форме, как Российское философское общество (РФО)? Считаете ли Вы достаточным для его деятельности издание Вестника РФО и проведение Российского философского конгресса? И что мешает последнему быть событием мирового или хотя бы национального масштаба?

7. В чём Вы видите необходимость сохранения обязательного преподавания философии в университетах страны? Если это необходимо, то зачем? Если нет, то, в каком виде философия должна присутствовать в современных университетах? Что делать с тем, что в случае отрицательного решения будут упразднены кафедры философии в отечественных вузах и останутся безработными тысячи преподавателей философии? Ведь философам, чтобы выжить, придётся поменять род своей профессиональной деятельности. А ведь для них это смысложизненный и судьбоносный вопрос.

8. Как Вы относитесь к нынешней системе научного рейтинга в России (показатели РИНЦ и пр.)? Насколько она позволяет зафиксировать личный вклад того или иного исследователя в развитие философии и науки? Каким бы был, на Ваш взгляд, индекс Хирша у М. Хайдеггера, если бы он сейчас был жив? Измерим ли в принципе масштаб деятельности философа?

Ответы

Аванесов Сергей Сергеевич

Доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии культуры Новгородского университета им. Ярослава Мудрого. Главный редактор научного журнала «ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики»

E-mail: iskiteam@yandex.ru

1. Крупнейшие философы, равные Делёзу и компании, в истории отечественной философии, конечно же, имеются: Владимир Соловьёв, Николай Бердяев, Лев Шестов, М. М. Бахтин. И близкие по масштабу тоже наличествуют: С. Л. Франк, Н. О. Лосский, Л. П. Карсавин, о. П. Флоренский, о. С. Булгаков,

А. Ф. Лосев. Однако после культурного погрома, устроенного в России большевиками, мало что осталось от той *атмосферы*, в которой вырастали философы подобного масштаба. Философия всегда существует в определённом культурном контексте, благоприятном для живого развития мысли. В подцензурном обществе, идеологически однообразно воспроизводящем себя, реальной философии быть не может, а могут быть лишь допущенные свыше её ложные формы («симулякры» мышления). В постсоветские годы философия пытается очнуться от долгого обморока и найти себя: происходят, во-первых, собирание обломков отечественной мысли и, во-вторых, попытки освоить наработки западной философии, долго остававшиеся вне поля нашего внимания. Таким вот естественным (или, точнее, противоестественным) образом нынешняя отечественная философия прочно встала в позу пересказа современных иностранных и прошлых отечественных достижений и превратилась в музей чужих идей. К подлинной философии имеют какое-то отношение или многообещающие, но не реализованные заявки и заделы отдельных философов, или «маргинальные» формы мышления на границах философии, теологии и культурологии. А тут и новые виды цензуры подоспели: «политкорректность», «толерантность», «прогрессивность», «современность» и прочие в том же роде. В такой ситуации философия может расти не из атмосферы (которой всё ещё нет), а из личного упрямства персон, претендующих на формирование этой атмосферы.

Что касается медийных персонажей и коллективных идеологических машин, то их наличие – не приговор для философии, а предмет осмысления с её стороны. Но если философией овладевает «система», «moda» или «мейнстрим», то она погибает, растворившись в этих стихиях. Только критическая дистанция по отношению ко всему (в том числе и к «актуальному» статусу философии) удерживает философию от распада.

Конечно, гениев «делает» *отношение* к ним; и очень хорошо для гениев, что их слава приходит не к ним, а к той стране, в которой они когда-то жили, к их потомкам и последователям. К слову, когда вопрос о гениальности задан философу, последний вправе думать: может быть, я тоже гений, но пока – живой и неявный? Глядишь, после смерти и я войду в число «философов мирового уровня». Вот и я, бывает, так думаю.

2. Единомышленники в философии – что-то странное и, по-моему, невозможное. Для философии имеет значение разномыслие, продуцирующее новые «идеи» и «концепты». Даже цитирование в рамках одной философской работы призвано обнаружить разномыслие, образовать полемическое поле, а не продемонстрировать полное согласие. Постановка проблем в философии всегда оригинальна: *так* удивиться миру или *так* возмутиться им могу только я и больше никто. Поэтому говорить о «парадигмах» философского мышления можно только условно, в неточном смысле термина. Что касается «программ», то в условиях почти полной «институционализации» философии эти программы выглядят как формы добывания средств к существованию путём приспособления к требованиям администраций, фондов и министерств. Такая «программная» философия (как, впрочем, и наука) становится почти полностью беспринципной, а современный российский философ мечется между личной философской позицией и вынужденными заявками на гранты.

Поскольку при этом объём философской «продукции» постоянно и неизбежно растёт, постольку овладеть ею становится всё менее возможно. Одно из очевидных следствий такого положения дел состоит в том, что философия будет всё дальше уходить от «института» и даже от «традиции» в сторону подчёркнуто авторского стиля (или стилей).

3. Философия в России (как и «философия» в СССР) – это совершенно определённо государственный институт (или, если угодно, *институция*). Это мешает философии стать социальным и культурным институтом, приобрести «естественный» характер, произрасти, наконец, «снизу». Пока что она не произрастает, а насаждается. Если же нет поддержки со стороны остального общества, то философия всегда будет этим обществом выталкиваться в гетто, а официальным философам всегда придётся ощущать себя белыми воронами и строить вокруг своего гетто всяческие оборонительные редуты из степеней, званий, кафедр и институтов. В этой ситуации все знаки своего отличия философ будет получать не от того общества, которому он должен служить, а от той замкнутой корпорации, к которой он (часто – не по заслугам) принадлежит. Можно сказать, что современная отечественная философия всё ещё живёт в тех формах, которые были для неё установлены в СССР. Философия в этой её советской «упаковке» оказалась не готова, да и сейчас всё ещё не готова, к решению новых культурных задач, она даже не может сформулировать эти задачи.

4. Философское сообщество в России состоит, как минимум, из двух слоёв:

а) официальное философское сообщество с его по большей части формальными мероприятиями; б) формируемое на неофициальной, личной основе поле общения и коллективного мышления «по интересам» и «по проблемам». Отсюда и две «структуры лидерства» – официальная и неофициальная. Ясно, что слово «неофициальный» имеет здесь не абсолютный смысл: любой неофициальный философ встроен в официальную структуру и действует, используя её, но по собственной инициативе и по самостоятельно избранным приоритетам. Конечно, Санкт-Петербург и Москва являются «центрами» отечественной философии – и по официальному статусу расположенных там институций, и по степени активности философской жизни, и по качеству философского мышления, и по количеству получаемых грантов. Жёсткое разделение на центр и периферию имеет и объективные предпосылки (в столицах – более интенсивная общественная и культурная жизнь), и сугубо «частные» причины – государственный характер институционализации философии в России.

5. Когда российское общество создаст для себя философию, тогда мы увидим реальные, конкурирующие друг с другом философские школы в классическом смысле этого термина. Разве может быть названо школой сообщество официальных философов, получивших свои степени на волне финансирования «модных» тем и привлечённых к исследованию этих тем по преимуществу желанием «быть в тренде» и заодно решить свои финансовые проблемы? Формально они – «школа» (и даже могут быть зарегистрированы где-то в этом статусе), но реально, в сравнении с известными нам эталонами – нет. Однако самый высокий уровень философии демонстрируют те философы, которые не создают «своих» школ, но при этом все мы оказываемся в их школе – как их добровольные и благодарные ученики.

6. Слава Богу, я никак не отношусь к этой чрезвычайно формальной «институции». Я считаю, что принадлежать к такой институции не только накладно, но и опасно для мышления: всякая подобная институция всегда – прямо или косвенно – старается цензуривать мысль путём её «организации», «направления» и «поддержки». Откровенность мысли – гарантия исключения из институциональной философской системы, в которой решения принимает тот, кто владеет «креслом» и «чином». Носителю независимого личного мышления и здравого смысла следует держаться подальше от таких «событий».

7. Философия оставлена в поле образования из милосердия к армии «профессиональных философов», от подавляющего большинства из которых нет никакой пользы обществу. Философия при этом (в качестве платы за сохранение «жизни») низведена до уровня служанки научно-технического образования и согласилась с этим статусом. Но философия должна преподаваться совершенно иначе – не как ещё одна (дополнительная и неочевидная) «учебная дисциплина», а как фундаментальная образовательная программа, реально (а не на словах) консолидирующая все прочие учебные дисциплины (даже физкультуру) и соотносящая содержание этих дисциплин с личностью обучаемого. Итак – не одна из многих (ограниченных, «специальных») дисциплин, но базовая обобщающая и апперцептирующая программа. В этом смысле философия должна быть педагогикой, а философ – куратором, консультантом и «настройщиком» будущего узкого специалиста, который при этом должен стать и максимально широким культурным субъектом. Образовательный стандарт по философии надо *радикально* пересмотреть с точки зрения его содержания и логики: философия должна отвечать на те вопросы, которые сформировало общество, а не на те, которые сформулировала она сама (какая кому разница, что «первично» или каковы «наиболее общие законы»?). Но об этом, конечно, речь может идти в обстановке широкого общественного диалога, а не в условиях «выживания».

8. К сожалению, ситуация заставляет современного отечественного философа принимать навязанные ему «правила игры» со всеми её искусственными рейтингами. По большому счёту, любой рейтинг бессилен дать реальную картину положения дел в области философии: если это будет общий *рейтинг*, то даже самый выдающийся философ проиграет среднему поп-певцу (скажем, Мамардашвили с треском проиграет Киркорову). Если же это будет *внутренний* (философский) рейтинг, то он не сможет продемонстрировать общественного признания, это будет, так сказать, корпоративный рейтинг. А «масштаб» деятельности философа должен измеряться не его известностью в узком профессиональном кругу, а его общественными заслугами и его вкладом в культуру. Но это определяется, как мы знаем, только посмертно.

Гиренок Федор Иванович

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии МГУ им. М. В. Ломоносова.

E-mail: girenok@list.ru

1. Тема дискуссии интересна тем, что в её названии стоит слово «отечественная» философия. Почему не стоит слово «русская»? Потому что, видимо, так

удобно, так можно никого не обидеть, никого не задеть. Как будто философия когда-то присягнула безвидной идее толерантности. Но философия не толерантна. Истина не коммуникативна. Философия – это даже не наука о бытии, как думают на кафедрах философии, и не наука о мире. В ней не нужно согласовывать то, что ты думаешь, с тем, что кто-то думает иначе. Философия – это разговор с самим собой без согласования результата этого разговора с другими.

Старый И. Кант говорил, что философия – это наука о внутренних принципах выбора между разными целями. Мне нравится эта мысль о внутреннем. Между тем, современная философия утратила это понимание философии и стала какой-то «нефилософией». В свою очередь, Гегель полагал, что философия – это наука об изнанке мира. То есть, это особая наука. И Хайдеггер был с ним согласен. Но и это понимание не удержалось в современной философии.

Философия сегодня находится в жалком состоянии. Почему в жалком? Потому что она очень хочет выглядеть как наука, не являясь наукой по существу. Философия погрузилась в мир видимостей и кажимостей. Сегодня все, кому не лень, пытаются её преодолеть. Особенно стараются преодолеть философию ученые. Биологи пытаются преодолеть философию в понимании жизни, нейрофизиологи – в понимании сознания, антропологи – в понимании человека. Даже искусство (Дюшан, Кошут, де Кирико) пытаются преодолеть философию в искусстве. В результате мы видим, как происходит примитивизация мышления, которое ничего больше не находит ни в метафизике, ни в трансцендентализме, ни даже в феноменологии. Наука – это теперь, на мой взгляд, не символ прогресса и творчества, как это было раньше, а символ закосневшего мышления, которое не нашло ничего другого, как вступить в борьбу с философией.

Если говорить об отечественной философии, то нужно признать, что она у нас бывает разной. В ней есть марксисты, феноменологи, экзистенциалисты, приверженцы онтологии нестабильности, поклонники французской философии, немецкой и даже англо-американской, хотя США никогда не были страной, экспортирующей философию. В отечественной философии не присутствует, пожалуй, только русская философия.

Можно ли назвать пять крупнейших российских философов мирового уровня? Конечно, можно. Но я хочу напомнить об известном письме А. Лосева своему другу А. Мейеру, в котором он критически отзыается почти обо всех философах мирового уровня. В свою очередь, о самом Лосеве высказался Флоренский, назвав его «рефлектором». Что это значит? Это значит, что сам по себе он тёмен, но какие-то внешние лучи попадают на него, и он их отражает и далее опять тёмен. Лосев, говорит Флоренский, не светит своими идеями. Однако и о самом Флоренском многие сегодня говорят как о мыслителе, который нуждается в мыслителе-доноре.

А Иван Ильин, рассуждая о Флоренском и Булгакове, говорил – «помелом их», брандспойтом. За что? За то, что не умели отличить дух от пола, за оправдание гомосексуализма, за духовный гной. Нашлась управа и на Ильина. Многие отшатнулись от него за оправдание им фашизма. Тем не менее, в русской философии, на мой взгляд, и сегодня есть первоклассные имена: Б. Поршнев, Ю. Бородай, Г. Щедровицкий, Э. Ильенков, М. Мамардашвили.

2. Применим ли парадигмальный подход к философии? Может быть, применим, но это не имеет никакого значения. Время философии прошло, потому

что прошло время сознания. Наступило время языка. На место сознания стал интеллект. Интеллекту нужны знания, философу нужны смыслы. Философы давно перестали производить концепты, их объяснения мира никому сегодня не нужны, они не нужны даже студентам и обитателям фейсбука. Нет в мире никакого «всеобщего», которое было бы доступно только философам. Всё доступно всем. Философы сегодня слишком рациональны и объективны, они понятны до того, как начнут говорить, им не хватает субъективности и дерзости существования на грани безумия.

3. Философия не институт. Институты не воображают. В русской философии, начиная с Флоренского, утверждается неинституциональная мысль о самонесовпадении «я». Между тем, вся классическая философия полагала, что «я» тождественно самому себе. На этом тождестве держалось мышление и речь. Но о чём речь? О том, что выразимо в логике. Флоренский же полагал существование мира абсурдным. Абсурд нельзя высказать в языке. Он высказывается немотой, молчанием. Там, где начинается логика, там, конечно же, не существует свободы. Абсолютная свобода человека осуществляется только в мире абсурда. Но об этом мире невозможно никакое знание. Чтобы быть в этом мире, нужна вера и смыслы, которым предшествует работа по преодолению бессмыслицы. На мой взгляд, эта мысль Флоренского является сегодня парадигмальной для русских философов-одиночек.

В введении к «Логике» Кант отделяет школьную философию от мировой. Школьная философия – институциональна. Она полна пустых смыслов и предрассудков. В ней история философии, в конце концов, убивает философию. В институтах не мыслят, в институтах учат языку. Мировая философия – это сама философия, то есть путешествие в воображаемое, не согласованное с другими.

4. В России нет не только философского сообщества, но нет и общества вообще. Общество – это не люди, а вяжущие связи. Общество, которое не даёт нам «бытие вместе», это не общество, это стихия рассеянного существования атомизированных множеств. В России философы – атомы. У нас нет ни центра, ни периферии. Во всяком случае, Москва – не центр русской философии и, тем более, не центр философии вообще. Сегодня центра философии нет нигде, даже в Европе, а окружности философские существуют везде.

5. Для того чтобы была философская школа, нам нужно сначала научиться говорить не от имени Канта и не от имени Маркса и не от имени когнитивных наук, а от своего имени. Но мы – преподаватели, а преподаватели философии, как, впрочем, и научные сотрудники, привыкли говорить на языке Другого. А у тех, кто привык говорить на языке Другого, никакой школы быть не может. На мой взгляд, в каком-то смысле в России можно говорить, например, о школе Владимира Соловьева или даже Флоренского, имея в виду таких его учеников, как С. Булгаков и А. Лосев. Конечно, можно указать ещё и на школу Г. Щедровицкого, ибо и у него есть ученики, такие, как С. А. Смирнов. Вот только появятся ли у учеников Щедровицкого свои ученики?

6. По поводу конгрессов. Философия, вытесненная наукой и религией на периферию общественного сознания, выглядит нелепо и смешно, устраивая как

мировые конгрессы, так и региональные. В них видна претензия на научную основательность, для которой нет ни объективных, ни субъективных причин.

7. Зачем нужна философия? Преподавание философии – это слабая попытка научить людей строить вокруг себя ментальный барьер от вербального мусора, от проникновения в наши головы мыслей, которые порождены не нашими головами.

8. К рейтингам я отношусь спокойно, ибо они никакого отношения к внутренней философской иерархии не имеют. Философ понимается не индексом Хирша, а философией.

Гуревич Павел Семенович

Доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, главный редактор журналов «Философия и культура», «Психология и психотехника».

E-mail: gurevich@rambler.ru

1. Я бы счёл возможным назвать пять крупнейших русских философов – А. Ф. Лосева, В. В. Бибихина, В. С. Библера, М. М. Бахтина, Н. А. Бердяева. Русский философ К. Д. Кавелин интересно рассуждал о том, что появление новых направлений в философии и крупных мыслителей – всегда загадка. Некоторые философы обретают масштабность под влиянием революционных событий (Н. А. Бердяев), преследований со стороны власти (А. Ф. Лосев), в силу диктаторского режима (М. М. Бахтин). А В. В. Бибихин гонениям не подвергался, титулов не имел, трудился незаметно и скромно, но его можно сегодня по праву назвать великим русским философом. Медийность и коллективные идеологические машины не помешали Ж. Бодрийяру стать известным философом. Всегда кажется, что времена великих гениев ушли. Но ведь в своё время фуги Баха приняли как недостойные того великого предназначения, которое предполагалось церковью.

2. Парадигма – все-таки понятие из сферы науки. К философии оно применимо условно. Философы далеко не всегда объясняют мир через призму всеобщего. Сегодня, к примеру, деконструкция, в частности, может оказаться более продуктивной, чем создание парадигмы. Научная картина мира складывается медленно, идёт мучительное заполнение пробелов. Не стало ли слово «парадигма» затасканным без всякого повода? Зачем отечественной философии некая парадигма? Парадигмальным было мышление Аристотеля. Но в наши дни часто отмечают, что присущая ему всеохватность научной картины не только содействовала развитию философии, но и задала ей опасный вектор. Философские программы возникают, как правило, неожиданно. Кто при Гегеле мог помыслить философию жизни? Когда чиновники стали претендовать на руководство наукой, мы отчаянно протестовали против их диктата. Но их мышление неожиданно проникло в философские умы и теперь мы грезим о парадигмах, программах. Опасное обольщение...

3. В значительной степени философия – удел одиночек. Но любому мыслителю нужна интеллектуальная среда. К. Ясперс полагал, что не следует превращать философию в социальный институт. Пусть будет что-то вроде свободного философского клуба. Но это интеллектуальная грёза, не получившая

признания даже в Германии. Институты возникли не в угоду научным функционерам, а философские клубы – не в угоду свободным мечтателям. Эзопу не понадобилась штатная должность философа, Пришвин вёл частный дневник, который позволяет считать его философом. Дать дальнейшую жизнь философии можно в любой ситуации. Идеального варианта нет и лучше не затевать давно известные организационные реформы.

4. Деление на «центр» и «периферию» давно уже надо забыть. Другое время, другие коммуникации. Провинциальное мышление может окопаться в МГУ, а подлинное философствование в любом городе страны. В России нет полноценного философского сообщества с разветвлённой сетью институций, международных связей и выраженной структурой лидерства. На методологическом семинаре в Институте философии РАН один оратор спрашивает другого, как он понимает слово «критика» в философии. Его собеседник написал об этом лет 30 назад. Такое впечатление, что два сотрудника разных институтов, наконец-то, встретились. В Институте философии РАН сотрудники, как правило, не читают книг своих коллег. Они имеют смутное представление о том, кто и чем занимается. Что такое в этом контексте разветвлённая сеть институций? Центров отечественной философской мысли в стране предостаточно.

5. В Институте философии РАН есть лидеры, вокруг которых группируются ученики, подвижники и последователи. Весьма популярен среди студентов МГУ Ф. И. Гиренок. Но школ в прямом смысле слова, как, например, кружок М. М. Бахтина, я не вижу. Назвать лидером начальника по службе курьёзно. Но есть центры философской мысли, далеко не всегда анонимные. Не обязательна и конкуренция на парадигмальном уровне. Развитие философии – это спонтанный процесс. Организационное усердие только вредит философии.

6. К Российскому философскому обществу отношусь уважительно. Стать событием национального или мирового масштаба РФО может. Ничто этому не мешает. Но будем ценить РФО хотя бы за то, что оно делает. Для более высоких целей нужны энтузиасты. Всё время в опроснике ставится вопрос, кто кому мешает. Мыслей и планов много. Нужно ещё хотеть и прилагать усилия.

7. Без философии нет и не может быть образования. Идеал классического образования включал в себя науку и философию. Вопрос, зачем нужна философия, пусть обсуждают троглодиты. Кафедры философии наверняка закроют. Почти повсеместно закрыли кафедры психологии. Теперь министр образования РФ ищет психологов в школы. Суть вопроса понимают все. А что надо делать? Вопрос провокационный. Все знают, что этого нельзя допустить. Но все принимают жертвенно любое решение власти.

8. Авторитет учёного определяло прежде научное сообщество. Иметь положительное или отрицательное отношение к рейтингам, поскольку они меняются произвольно, бессмысленно. Я, к примеру, много лет руководил сектором издания философской классики. Одним махом этот показатель убрали из критериев. Завтра придумают ещё что-нибудь, что изменит всю картину отчётности. Как можно относиться к играм чиновников? Тут есть два мнения? Но масштаб деятельности философа, конечно, измерим. Понятное дело, не количественным способом. Система научного рейтинга вызвала массовое неуважение к философской классике. Формально, по цифрам можно догнать и Канта.

Касавин Илья Теодорович

Член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, заведующий сектором социальной эпистемологии Института философии РАН, главный редактор журнала «Эпистемология и философия науки».

E-mail: itkasavin@gmail.com

1. Имена в вопросе отобранытенденциозно, проигнорирована аналитическая философская традиция полностью: Рассел, Витгенштейн, Поппер, Куайн, Дэвидсон, Патнем. Они не являются выдающимися философами? Имена Г. Шпета, М. Бахтина, М. Мамардашвили, Э. Ильенкова, Г. Щедровицкого, М. К. Петрова представляют российскую философию ничем не хуже, чем последние.

2. Понятие парадигмы может быть расширено для понимания философии и гуманитарных наук, но в этом нет смысла. Скорее, можно говорить о стилях мышления (сциентистский – антисциентистский, научообразный – беллетристический, эзотерический – экзотерический), подходах (интерналистский – экстерналистский, фундаментальный – прикладной, страноведческий – интернациональный, дисциплинарный – междисциплинарный), тематических пространствах, не совпадающих полностью с дисциплинами (эпистемология и философия науки, история философии, социальная и политическая философия, философия религии и пр.). В той мере, в которой философия приближается к конкретной науке или эзотерической практике какого-то специального течения (логике, языкоznанию, истории, психологии), в ней могут образовываться «парадигмоподобные» структуры.

3. В философии, как и иных гуманитарных науках, есть профессионалы и любители. Россия здесь ничем не отличается от других стран. Профессионалы работают, как правило, в учебных и научных центрах. Профессиональная философия поэтому имеет все признаки научной дисциплины и социального института: кафедры, лаборатории, журналы, конференции, энциклопедии, учебники, формы популяризации. Не следует допускать категориальную ошибку и сопоставлять философию как институт, с одной стороны, и философа-одиночку (любители тоже могут работать коллективами). Приверженность коллективной или индивидуальной, устной или письменной работе, – психологическая характеристика философа (его философская культура). Сопоставление по степени институционализации – социальная, цивилизационная характеристика. Хотя в философии нет парадигм, всё же есть относительно устойчивые концептуальные предпочтения, объединяющие крупные и мелкие группы исследователей по философским направлениям, течениям и проблемам. Вероятно, в свободном обществе соблюдается определённый баланс профессиональных философов и философов-любителей. Это предохраняет от стагнации и питает альтернативные сценарии развития.

4. В России, в самом деле, наличествует полноценное философское сообщество с разветвлённой сетью институций, международных связей и выраженной структурой лидерства. Признаки тем самым перечислены. Однако последние тенденции слияния всех гуманитариев в единые факультеты и институты подвергают философское сообщество новым рискам. Из того же разряда атаки на университетскую философию как дисциплину, не приносящую прибыли.

В российском философском сообществе более выражено, чем на Западе, деление на «центр» и «периферию», это связано с финансовыми потоками. На Западе центры философии далеко не всегда базируются в крупных городах, в России это практически всегда. «Периферийную» философию, как правило, отличает низкий уровень профессиональной мобильности, интернационализации, доступа к финансовым и информационным ресурсам. Было бы неточно позиционировать город или регион в качестве «философского центра». Речь, скорее, должна идти о конкретной организации, а не о Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске или Ростове. На практике достаточно полугода десятка квалифицированных и активных исследователей, объединённых одним или двумя крупными проектами в течение 10 лет, чтобы превратить университет в центр философской мысли.

5. Если не иметь в виду живущих философов (оценка которых затруднена отсутствием временной дистанции), то в первую очередь именно школы Мамардашвили и Щедровицкого в целом отвечают стандартным требованиям институционализации. Что касается философской конкуренции в России, то в качестве её субъектов фигурируют не только и не столько отдельные философы, а, скорее, организации в рамках некоторого региона или России в целом. Основанием конкуренции являются в таком случае не идеи и влияние на умы, а финансовые потоки или близость к власти. Не стоит смешивать с конкуренцией и лидерством обычную ситуацию научного несогласия, теоретического плурализма или неумеренных личных амбиций. Хотя все эти факторы социологически значимы для конфликтологии, они мало что дают для идентификации научной школы.

«Учитель-ученик» – схема, с трудом применимая к философии. Настоящими учениками в философии бывают лишь апологеты или эпигоны. Оригинальный философ по мере взросления всё чаще спорит с учителем и дистанцируется от него, хотя признаёт и никогда не разрывает исходную связь (проблематика, подходы) до конца.

6. Российское философское общество – необходимая форма существования философии в России, аналогичная зарубежным. Основные формы её работы избраны правильно. К сожалению, в силу ряда объективных и субъективных причин содержание работы РФО вызывает определённые нарекания. Полагаю, некоторый прогресс может быть достигнут путём пересмотра Устава РФО, опоры РФО на реально существующие научные школы, а также использованием новых, нетрадиционных для РФО форм работы.

7. Место и роль философии определяется статусом и ориентацией конкретного университета в той мере, в какой он обретает самостоятельность от Минобрнауки (и ВАК). Есть три основания для сохранения философии в качестве обязательного предмета. Первое – это её возможная и реальная роль в миссии университета как культурного центра, особенно в регионах. Второе определяется способностью философов включиться в междисциплинарное взаимодействие и играть роль медиаторов в «зонах обмена» разного типа. Третье основание имеет отчасти конъюнктурный характер и состоит в способности философии обеспечить вхождение в предметный международный рейтинг по программе «5-100», поскольку философия демонстрирует значитель-

но более высокий потенциал, чем биомедицинские исследования. САЕ¹, в центре которой находятся философы, может дать большой эффект.

8. Система научного рейтинга в России сегодня чрезвычайно неоднородна. «Карта науки» была и осталась неадекватной. РИНЦ последнее время активно совершенствуется. Все больше организаций получают доступ в Web of Science и Scopus. В целом, если смотреть на то, как иностранные агрегаторы и индексы работают в развитых странах Запада, заметно очевидное навязывание англоязычными информационными ресурсами мнения о преимуществе учёных, носителей английского языка, перед всеми остальными. Отчасти это оправдано хотя бы тем, что подавляющее большинство научных журналов издаётся именно на английском языке и публикует материалы международного научного сообщества.

РИНЦ постепенно движется в правильном направлении, ужесточая требования к научным журналам и выдвигая на первый план из всех показателей «двулетний индекс Хирша без самоцитирования по ядру РИНЦ». В перспективе это – нечто подобное Web of Science Core Collection, т. е. показатель принадлежности к научной элите. Этот показатель действительно отражает реальное место учёного, журнала и организации в науке, измеряет их вклад в общее дело «по гамбургскому счету». Естественно, общая оценка не может этим исчерпываться, она включает, среди прочего, важную экспертную составляющую.

Какой индекс Хирша был бы у Хайдеггера сегодня? Вопрос требует уточнения. Индекс Хирша, в особенности, в гуманитарных науках, есть функция времени. Нередко он отражает то обстоятельство, что автор публикуется уже длительное время. Иногда он отражает абсурдность некоторой идеи, с которой многие спорят. В этом смысле мы не узнаем в точности, о чём свидетельствовал бы высокий индекс Хирша у Хайдеггера, а он, конечно же, был бы таковым: о его популярности; о большом количестве его критиков; о длительности процесса чтения его работ; и т. д.

Конев Владимир Александрович

Доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, кафедра философии, Самарский научный исследовательский университет имени академика С. П. Королева.

E-mail: vakonev37@mail.ru

1. Сопоставимых с Декартом, Кантом, Ницше, Хайдеггером, Делёзом, которые открывали новые горизонты в философии – нет. Их нет сейчас и в других странах. А вот сопоставимых с Фуко – есть. Думаю, что В. С. Степин, А. В. Смирнов, В. А. Подорога, М. К. Петров, В. С. Библер, М. М. Бахтин, М. К. Мамардашвили сопоставимы вполне. Да и другие, наверняка, есть.

Мешает появиться философам типа Декарта-Канта то, что наша страна является периферией мира. Думаю, что из названных вами философов, Делёз как раз тот мыслитель, который начал новую философию. И вы правы в том, что те последователи, которые сейчас идут в русле его мысли, сделают его гением, сравнимым с теми, кто в вашем списке стоит перед ним.

¹ САЕ – стратегические академические единицы. Принятое обозначение крупных инфраструктурных проектов, выступающих драйверами роста в университетах, входящих в программу Топ 5-100.

2. Думаю, что парадигмы – это глобальное состояние философской мысли. Это онтологическая парадигма античности и средневековья, это гносеологическая парадигма Нового времени, это антропологическая парадигма, с Ницше и в XX веке развивающаяся. Т. е. парадигма определяет направленность движения философской мысли. Это план имманенции, как писали Делёз/Гваттари (кстати, они тоже говорят о трёх таких планах). Старые парадигмы не сходят со сцены, когда зарождаются новые состояния философии, они, конечно, как-то модифицируются. Но это уже проблема историко-философского исследования. Возможно, что сейчас формируется новый вариант парадигмы философской мысли, и Делёзовское направление мысли на это указывает. Здесь в центр внимания философии выходит проблематика созидания, событийности, начала, рождения. Думаю, что понятие «программа» исследования более узкое понятие, чем парадигма, а потому программы существуют внутри парадигм.

3. Всякая интеллектуальная деятельность двойственна: она совершается только конкретным человеком, наделённым определёнными способностями и талантом, т. е. она всегда личностное достояние, и в то же время эта деятельность имеет общественный смысл – её результаты где-то и кем-то используются. Научные открытия – дело учёного имени-рек, а результат – технологии, которые принадлежат всем, и т. п. В философии – то же. Но есть важное отличие. Как интеллектуальное усилие философское знание, конечно, принадлежит кому-то, но далеко не всякое интеллектуальное усилие кого-то, кто проходит по разряду философии (преподаёт, имеет степень философскую), является усилием *философа*. Быть философом – это некое экзистенциальное состояние («Ну, ты и философ!») и это некий статус, который приобретается, когда чьи-то интеллектуальные усилия стали значимым достоянием в сообществе философов, образующих социальный институт философии. Нет философов-одиночек без социального института философии. А социальный институт философии в Новое время возникает в среде преподавания. Здесь философия укоренена социально. Если убрать философию как учебную дисциплину из вуза, из школы, то она не будет существовать и в культуре. Обратите внимание на постоянный всплеск философии во Франции – там она преподаётся в лицеях! Философская мысль как определённый тип осмысления мира вырастает на хорошо взрыхлённой почве преподавания философии. Поэтому нужно всячески поддерживать любые институциональные формы существования философии – и преподавание, и научные учреждения, и общественные организации, типа РФО, и журналы, и присутствие в медиа пространстве и т. д. Те имена, которые я перечислял при ответе на первый вопрос (а их, наверное, больше) – это имена людей, выросших в советский период, когда на философской ниве как ниве идеологической трудилось много народа. Конечно, вырастали на этой ниве чаще всего совсем не философские злаки, но ведь на ней же выросли и Г. Щедровицкий, и Э. Ильенков, и М. Мамардашвили, и десятки других. А если бы не было широкого поля философии, то и не было бы этих имен.

4. Думаю, что существует, если не единое сообщество, то ряд сообществ, объединённых либо по проблемным основаниям (например, Онтологическое сообщество, которое регулярно, спасибо питерцам, проводит конференции, или сообщество культурологическое, в котором много философов), либо реги-

ональные сообщества (например, в Самаре есть такое сообщество). К сожалению, РФО не удалось, на мой взгляд, создать единое сообщество. Те конгрессы, которые проходили, имели большое значение, поскольку обеспечивали встречи людей, но не давали должного результата в смысле содержательном – рождения единства вокруг постановки или решения проблем.

Относительно «центра» и «периферии». Да, конечно, в России это различие значимо больше, чем в Европе. Главное, из-за расстояний, которые не преодолеваются так легко и быстро, и потому что большие, и потому что дорогие. Наличие интернет связей, конечно, снижает это противостояние, но живое общение – это другое. Москва и Питер в любом случае центры отечественной философской мысли, т.к. там издательства, журналы, туда приезжают философы из других стран, там крупнейшие вузы и т. п.

5. Да, известны. Думаю, что в Санкт-Петербурге значима традиция зарожденная, К. С. Пигровым с того момента, когда появился рукописный журнал «Сто страниц». Можно ли сказать, что это школа Пигрова, как школа Платона? Вряд ли. Но без К. С. Пигрова и его энтузиазма заниматься «простыми темами» вряд ли бы появились такие имена, как Секацкий, Савчук и др.

Думаю, что когда-то зародилась и очень эффективно работала школа философии науки вокруг Института истории, естествознания и техники, в которой вырос и стал её лидером В. С. Степин.

В Калининграде вокруг «Кантовского сборника» концентрируется сообщество кантоведов. Это не школа в классическом понимании, но это сообщество, которое хранит и разрабатывает традиции профессиональных историко-философских исследований. Думаю, что есть и другие.

Относительно схемы «учитель – ученик». Думаю, что на локальном уровне она существует, так как настояще приобщение к научному мышлению требует «рукоположения», непосредственного личностного общения.

6. Считаю, что РФО необходимо и благодаря ему, всё-таки, сохраняется общность философов. Проведение Российских философских конгрессов, как я уже выше заметил, значимо в смысле общения, но, к сожалению, не значимо в содержательном смысле. Вероятно, нужно более строго отбирать доклады, которые выносятся на секции. Докладов как «живых» выступлений должно быть минимум, и они должны быть предметом обсуждения/дискуссий. А основная масса докладов должны быть «стендовыми».

7. Коллеги, убеждать друг друга в значимости философии как культурного явления – вряд ли нужно. Ясно, что современное образование меняет свою направленность, в нём возрастает гуманитарная направленность. Это требование современной цивилизации. Если преподавание философии уберут из вузов, то это будет означать, что не только наше образование будет оскошённым, но это скажется и на возможностях страны сохранить себя и свою самостоятельность. Армия – не основа сохранения страны, хотя это не значит, что её не нужно укреплять, перевооружать и т. п. Основа сохранения самостоятельности общества и страны в истории – это культура. Это же очевидно!

8. Самым цитируемым автором современности, кажется, является Делёз. Конечно, значимость идеи в том, в каких головах она начинает жить. Поэтому и цитируемость может это отметить. РИНЦ, платформа WoS и другие –

это институциональные инструменты, которые должны помочь учёному ориентироваться в огромном потоке информации, а не должны служить основанием оценки деятельности учёного. Не для администраторов от науки они созданы, они созданы для учёных.

Резник Юрий Михайлович

Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва).

E-mail: reznik-um@mail.ru.

1. Среди современных отечественных философов чаще всего называют имена тех мыслителей, которые относятся к советской эпохе. Это – бесспорная десятка, признанная большинством экспертов, в т. ч. М. М. Бахтина (7), Э. В. Ильинкова (5), А. Ф. Лосева (4), М. К. Мамардашвили (4), Г. П. Щедровицкого (4), В. В. Бибихина (3), В. С. Библера (3), А. А. Зиновьева (2), М. С. Кагана (2), Ю. М. Лотмана (2). Нынешнее племя философов, возможно, ещё не проявило себя, хотя имеются оригинальные идеи и концепции. По-видимому, большое видится на расстоянии. Пройдёт время, и историки философии впишут новые имена отечественных мыслителей. А пока можно назвать лишь несколько десятков талантливых исследователей, которые работают в разных областях философского знания. Мне повезло, что я оказался среди многих из них, работая в Институте философии РАН.

2. Философия есть разновидность интеллектуальной практики, сопряжённой с осмысливанием и конструированием предельных оснований бытия человека. Философия – не наука и, возможно, к ней не применимы парадигмальный подход и концепция научно-исследовательских программ Лакатоса. Хотя чиновники от науки пытаются применить к ней формальные критерии оценки результатов научных исследований.

В силу размытости границ современной философии и влияния, которое оказывает на неё наука, в ней присутствуют как парадигмы, так и исследовательские программы. Другое дело, что они характеризуют лишь одно из направлений исследований, именуемое «научной философией». Именно эта философия более всего подвержена влиянию чиновников и их формализованной системе оценки. В остальных же сегментах философии присутствуют авторские проекты, которые трудно вместить в прокрустово ложе существующих философских традиций. Они находятся, скорее, на перекрёстке философских течений, вбирая в себя субъективные представления о всеобщем.

Поэтому я не могу относиться критически к точкам зрения других экспертов. Они имеют на них полное право. Могу лишь надеяться, что среди нас нет сверхфилософа, и нам не придётся оправдываться в том, что в отличие от него мы можем заблуждаться. Правда, мне не совсем понятен прагматический настрой тех, кто считает этот вопрос непонятным или надуманным, провозглашая главным критерием оценки работы в философии – ориентацию на результат. Но ведь в философии важен и сам процесс – философствование, который может выступать не только в форме текста, но и в дискуссии, саморефлексии и проч. И здесь каждая мысль, любой оттенок смысла важны. Мы слишком увлекаемся производством текстов, забывая иногда о главном – смыслотворчестве.

3. Философия в своём социальном бытии является одновременно институтом и сообществом или формой коммуникации. Менее всего она претендует на роль одной из идеологических машин государства, если её сознательно не толкают в эту сторону, и больше тяготеет к производству (и воспроизводству) смыслов данной исторической эпохи. Во всём же многообразии социокультурных смыслов её волнует ответы на вопросы, начинающиеся с наречия или союзного слова «зачем»: зачем живёт отдельный человек, куда и зачем идёт общество (человечество в целом)?

Отсюда можно сделать вывод, что философия и философы суть, с одной стороны, сообщество специалистов, профессионально занимающихся концептуализацией всеобщих смыслов своей эпохи и реконструкцией смыслов прежних эпох, а также призванных ответить на вопросы «зачем?», с другой стороны, институт, регламентирующий деятельность по смыслотворчеству и устанавливающий (или поддерживающий) нормы коммуникаций между ними. Роль институций и коммуникационных сетей в философии нельзя недооценивать. Об этом замечательно пишет С. А. Смирнов (см. ниже).

Честно говоря, я не понимаю, как можно разделять институт и культурную традицию, на чём настаивают некоторые авторы. Философия для них – это традиция, а не институт. Как можно вообще обойтись без норм взаимодействия в научных коллективах и критерии эффективности исследовательской деятельности? К тому же государство финансирует институт, а не традицию, требуя от нас конкретных и прозрачных результатов работы.

В то же время я не могу принять настрой некоторых авторов, полагающих, что институциональные признаки нашей философии больше напоминают призраки. «Искать опору в себе без образов и подобий», конечно, надо, но без особого трагизма, понимая, что переходный период в развитии постсоветской философии и науки мы ещё не прошли до конца. Не так-то просто избавиться от стереотипов прежней эпохи и в тот же момент преодолеть реформаторский энтузиазм наших научных функционеров.

Хочу поддержать в этом вопросе позицию других авторов. У философии должен быть свой дом, где проводятся встречи, дискуссии, презентации и демонстрируются результаты исследований. И таким домом для нас является Институт философии, а для наших коллег – факультеты и кафедры философии университетов. Наш институт – уникальное образование, аналогов которого нет в мире. Сохранить его как исследовательскую мастерскую и кузницу философских кадров высшей квалификации – дело чести каждого научного сотрудника. Нельзя переваливать всю ответственность за уровень и качество философских исследований на плечи руководства. Мы в ответе за то, чем занимаемся в профессии и в жизни.

Насчёт философов-одиночек можно рассуждать бесконечно, но реальность такова, что каждому из нас, кто профессионально занимается философией, приходится вписываться в существующие институты науки. Ведь философы вынуждены где-то работать, защищать диссертации и писать труды, обмениваться с коллегами результатами работы. Но рассматривать философские институции преимущественно как «коллективные машины мышления» я бы не стал. Так недалеко дойти и до тоталитарной секты. Всё-таки исследовательский поиск – индивидуальная прерогатива каждого философа.

Я также не считаю вопрос об институциональном статусе философии непонятным, который сводится исключительно к финансовой поддержки философов. Поддерживаю мнение о том, что российской философии, как и науке, не хватает институционального обеспечения независимой экспертизы. Всё, начиная с планов и заканчивая отчётами о научной деятельности, слишком заформализовано. А это в свою очередь вносит нездоровое напряжение в работу коллектива, отвлекая его от решения первостепенных задач и лишая исследователей «высшей радости открытия» истины.

4. Деление на «центр» и «периферию» хотя и устарело, но не потеряло своё значение. Это подтверждается результатами исследований основателя миросистемного подхода И. Валлерстайна. Поэтому, несмотря на достижения информационной эпохи, имеет место феномен «периферийной» философии и интеллектуального провинциализма в целом, о чём обоснованно пишет коллега из Перми С.В. Комаров. Думаю, что ему и другим коллегам из регионов виднее. Другое дело, что периферийность можно встретить и в некоторых московских вузах.

Я согласен с С. А. Смирновым, что в сегодняшней России существуют институции, связи, сети и лидеры, которые сильно сконцентрированы в Москве и Питере. А в других городах вокруг университетов и институтов в лучшем случае складываются локальные исследовательские группы, привязанные к месту жительства их лидеров. Не случайно поэтому, кружки философии, которые функционировали в советское время в крупных городах страны (Г. Щедровицкий, М. Розов и др.), чаще всего проходили у них дома.

Но ситуация заключается не только в локализации форм философской коммуникации и их преимущественной концентрации в мегаполисах. Философия, как любая сложная интеллектуальная практика, есть удел избранных (в данном случае тех, кто посвящает ей всю свою жизнь без остатка). В ней, как нигде более, важна роль прямого («лицом к лицу») общения. Иначе философом не стать. Заочное философское, как и медицинское, образование – нонсенс. Нужна практика философствования, которая передаётся посредством «живого» общения.

В то же время трудно обрести звание философа, занимаясь лишь самообразованием и чтением философских текстов. Кто-то должен научить вас публично выступать и создавать письменные тексты. Философы-самоучки, как и самодеятельные врачи, – большая редкость. Нужна хорошая школа (институция), которая введёт вас в профессию и поможет сделать первые шаги. А такие философские школы или центры могут возникать только в больших поселениях, где имеется достаточное число специалистов. Мнение же о том, что настоящая философия возникает на периферии или в «деревне», весьма спорно.

То же самое относится и к организации систематических встреч и регулярных коммуникаций уже состоявшихся в профессиональном плане исследователей. Им нужна профессиональная среда для творческого общения. Нынешнее информационное пространство позволяет преодолеть барьеры, существующие между «центром» и «периферией» в философии. Можно свободно общаться по интернету не только с отечественными, но и с зарубежными коллегами. Однако оно не решает проблемы общения «лицом к лицу», без чего трудно себе представить процесс философствования. Для этого и проводятся регулярные форумы и конференции по философии.

Следовательно, «периферийность» отечественной философии во многом обусловлена не местом проживания самих философов, а их низкой коммуникационной активностью и неготовностью вести диалог «на равных» с зарубежными коллегами. Для этого они должны быть, как минимум, в курсе всего, что происходит в мировой философии (по крайней мере, в избранном ими сегменте философских исследований), владеть иностранными языками с учётом знания профессиональной лексики. А как максимум – иметь институциональные и материальные возможности для осуществления зарубежных командировок и стажировок.

И всё же я согласен с тем, что не стоит прикрываться схемой «центр – периферия», оправдывая своё бездействие или интеллектуальную пассивность. Не стоит также недооценивать значения профессиональной специализации и идеально-теоретической дифференциации, которые не меньше пространственной удалённости разделяют философов.

5. Философская школа – это удел добротной классики, философские кружки – дань неоклассики. Школа центрируется вокруг философской доктрины её основателя. Сегодня же говорить о наличии одного лидера у того или иного философского течения очень сложно. В настоящее время больше распространены проблемные или проектные группы, в которых лидерство определяется ситуативно и в зависимости от личного вклада каждого участника проекта. Конечно, способность отечественной философии прерывать традицию и всё начинать заново, тормозит процесс создания и функционирования философских школ.

В советское время существовали философские кружки и центры, но полноценных и оформленных институционально школ не было. Наши эксперты называют кружки Э. В. Ильинкова, Г. П. Щедровицкого и некоторых других мыслителей. Кто-то из них говорит о региональных центрах философии (ленинградский, уральский, новосибирский, ростовский и др.). Называть их философскими школами я бы не стал. В наше время имеется несколько ярких фигур, популярных среди студентов и аспирантов философских факультетов. Но считать их основателями собственных научных или философских школ вряд ли стоит. Это – скорее кружки или проблемные группы, которые поддерживаются энергией и харизмой их руководителей.

Я думаю, что условное деление исследователей на философов и философоведов вполне оправдано в нынешних условиях. Поэтому мы в большинстве своём – философоведы, а станут ли некоторые из нас философами, покажет время. Интересные мыслители есть, да, а вот ярких личностей, способных объединить и зажечь других, практически нет. Но они обязательно появятся. И российская философия возродится вновь.

6. К РФО отношусь хорошо. Там работают интересные люди, настоящие подвижники и служители философии. Лично у меня они вызывают глубокое уважение и симпатию. Стараюсь к ним чаще заходить и поддерживать морально. Но резервы для раскрытия научно-организационного потенциала у Общества всё же имеются.

Пора подумать о структурной реорганизации РФО. В своё время на философском конгрессе в Ростове-на-Дону я предлагал учредить в его структуре

несколько обществ по отраслям или направлениям философии. Тогда ревнители единого общества не приняли моё предложение. Но сегодня эта идея начинает воплощаться в жизнь. Так появились и успешно функционируют Общество историков русской философии им. В. В. Зеньковского при РГГУ, Русское феноменологическое общество, Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге, Военно-философское общество, Общество истории и философии науки и др. Некоторые из них входят в структуру РФО как ассоциированные члены. Мне больше нравятся малые формы профессиональных сообществ, которые находятся ближе к интересам своих членов.

Что касается Российского философского конгресса, то ему мешает стать событием общенационального и даже мирового масштаба не всегда актуальная повестка дня и слабо сменяемый состав основных докладчиков. С моей точки зрения, повестку и содержание пленарных докладов должен определять не Президиум РФО, состоящий, как ему и положено, из научных функционеров (руководителей разных институций – факультетов, отделений и пр.), а специально создаваемая экспертная группа, куда должны войти всеми признанные философы, в т. ч. зарубежные мыслители. Накануне очередного конгресса можно было бы провести опрос членов РФО о приоритетных направлениях исследований, предпочтительных темах и докладчиках с последующей публикаций его результатов в *Вестнике*.

7. Не могу согласиться с тем, что философия как обязательный учебный предмет в вузе – наследие советской эпохи и что пришло время её сокращать. Философию преподавали всегда, начиная с античности, и поэтому, чтобы сохранить эту преемственность, надо по-прежнему сдавать экзамены по философии Платона и Ницше. Иначе ничего не останется в головах студентов, тем более у них не будет никакого критического мышления. Если сохранится тенденция сворачивания пространства философии в учебном процессе, то боюсь, что нам придётся преподавать её не на площадях, а в местах не столь отдалённых.

И никакой отбор преподавателей, и авторские семинары, что предлагает С. А. Смирнов, здесь не помогут. Боюсь, что сторонники такой точки зрения говорят о себе, а точнее – о собственном идеале преподавания. Им очень нравится образ «вольной» философии, который можно демонстрировать в исследовательских мастерских вместе с оригинальным способом философствования. Поэтому они предлагают вслед за чиновниками разогнать армию преподавателей философии, заменив их избранными мастерами. Вопрос лишь в том, где нам взять столько мастеров.

Так что не получится решить эту проблему волонтаристским наскоком. И дело не только в том, что придётся поменять ФГОС и всю систему высшего образования в целом. Преподавание философии в большинстве вузов давно превратилось в ремесло. Нынешней власти не нужны «вольные» и самоопределяющиеся философы. А вот идеологи и «инженеры человеческих душ» нужны, чтобы хоть как-то оправдать существование режима и сделать его по возможности привлекательным в глазах электората. Если нельзя изменить систему самой власти, то можно поменять к ней отношение у большинства населения. А для этой цели все средства хороши.

Увы, идеологическую функцию философии пока никто не снимал с повестки дня. Возможно, все беды отечественной философии как раз заключа-

ются в том, что она плохо стала справляться с этой ролью и «выпала» из арсенала идеологической машины государства. В идеале философия должна быть идеологией свободного гражданского общества (как система базовых идей), а в реальности от неё требуется позиция косметолога, приукрашивающего действительность. Поэтому и преподавание философии, если оно не подчинено этой идеологической миссии, перестаёт быть востребованным государством.

Конечно, я сознательно искажаю ситуацию, представляя философию как инструмент идеологии. В ней много чего есть другого. И не всё так плохо, как кому-то хотелось. «Смерть философии» в образовательном пространстве пока отложена на неопределенный период, а её жизнь зависит во многом от нас и наших усилий.

8. Никто не спорит с тем, что национальные системы научного рейтинга нам нужны, если мы хотим развиваться в лоне мировой науки и быть соизмеримыми с авторитетными зарубежными системами оценки научных результатов. Другое дело, что не нужно превращать показатели публикационной активности и индексы цитируемости в обязательные формы отчётности. В этом я полностью согласен с коллегами.

Какие-то критерии оценки нам нужны, и они не могут быть совершенными. И я не считаю в отличие от некоторых экспертов формальные показатели научной (в т.ч. публикационной) результативности полной глупостью. Они вполне могут служить дополнительным фактором оценки труда исследователя. А пока разговор философа о вечности с «провиденциальным собеседником», который ещё не родился, придётся отложить на потом. И здесь я не могу согласиться с С. А. Смирновым. Никто не позволит научному сотруднику или преподавателю философии заниматься свободным творчеством и получать за это зарплату.

Разумеется, многое зависит от тех, кто формирует государственный заказ на научные и образовательные услуги, а также от их способности устанавливать адекватные критерии оценки результатов научных исследований и образовательной деятельности. Так, например, Институт философии РАН занимает сегодня первое место по индексу Хирша среди родственных академических учреждений. Но так будет не всегда. Рано или поздно философия проиграет сражение с естественными науками за количественные показатели. Поэтому её постепенно вытеснят из виртуального пространства. И даже тогда она продолжит учить слушателей думать и помогать им формулировать вопросы о сущем.

Вместе с тем, реализуя курс на коммерциализацию высшего образования и приведение его в соответствие с воображаемыми западными стандартами, топ-менеджеры науки и высшей школы порождают невероятное число формальных требований к оценке результатов деятельности исследователей и преподавателей. Последствия не заставили себя долго ждать.

Прорехами в системе не преминули воспользоваться великие комбинаторы наших дней. Я слышал о чудесах и играх с показателями РИНЦ, но теперь увидел их воочию, обратившись на сайт Научной электронной библиотеки (см.: <https://elibrary.ru/>). Так, например, по индексу Хирша группа коллег из Ставрополя входит в первую сотню и даже в полусотню ведущих философов России. Некоторые из них приближаются к показателям наших известных философов (В. С. Степин, В. А. Лекторский, П. П. Гайденко, А. А. Гусейнов, В. Г. Фе-

дотова и др.), которые заработали свой высокий рейтинг недюжинным талантом и десятками лет упорного труда.

Нет таких преград, которые некоторые российские «умельцы» не смогли бы обойти. Такой подход к профессии философа сродни плахи и поэтому требует незамедлительной реакции со стороны философской общественности. Ниже я приведу список, в котором «умелые» ставропольцы добились небывалых высот на философском фронте, если судить по их показателям публикационной активности.

Так, на первом месте среди них находится Н. Г. Бондаренко, профессор Северо-Кавказского федерального университета (коэффициент Хирша – 35, цитируемость – 2326). Коэффициент такой же, как у П. П. Гайденко и В. Г. Федотовой при разнице в цитировании в 3-4 раза. Позади остаются А. А. Гусейнов, Н. И. Лапин, Н. В. Мотрошилова и многие другие авторитетные коллеги. Далее идёт С. П. Золотарев, профессор Ставропольского государственного аграрного университета (26/1043), у которого аналогичный показатель выше, чем у И. Т. Касавина, А. П. Огурцова и В. И. Аршинова, хотя их известность и цитируемость не поддаются сравнению.

В первую полусотню «ведущих философов», если придерживаться данного показателя, входят также Т. В. Вергун (Ставрополь, СКСИ, 23/1626), И. И. Гуляк (Ставрополь, СГАУ, 22/732), О. Ю. Колосова (Краснодар, Университет МВД, 21/1311), Н. Г. Гузинин (Ставрополь, СГАУ, 21/630). Их показатели сопоставимы с данными Т. И. Ойзермана, В. Г. Буданова, Н. С. Автономовой и других известных философов. В завершении списка приведу фамилии ещё трёх славных представителей Ставрополя: В. Н. Гончаров (19/1148), И. С. Бакланов (19/785), О. А. Бакланова (19/728).

Я не знал, что в Ставрополе и других южнороссийских городах сложилась такая мощная философская школа. Надо срочно ехать туда на стажировку. Обратите внимание на них. Ведь родина должна знать своих антигероев. Лично у меня сложилось впечатление, что эти коллеги, чтобы искусственно повысить себе коэффициент Хирша и другие показатели, вступили между собой в своеобразный «сговор», взаимно цитируя и продвигая друг друга. При этом они имеют минимальное число цитирований (как правило, около или чуть более 1000). Мы ничего не знаем также об их личном вкладе в развитие отечественной философии, никогда не видели их монографий и других трудов, способных произвести на читателя такое сильное впечатление, чтобы у него появилось острое желание их незамедлительно цитировать.

Уверен, что подобные явления не должны остаться незамеченными в философском сообществе. О том, как можно обходить формальные барьеры и добиваться высоких научных показателей, а также вообще о парадоксах научной этики, мы ещё поговорим на заседании редколлегии журнала. Вполне возможно, что редакции нашего журнала придётся их внести в специальный (например, «желтый») список. Но факт остаётся фактом. Мы столкнулись с невиданным ранее прецедентом.

Таким образом, до сих пор мы имели дело с отдельными случаями плахи, а теперь натолкнулись на другую, куда более сложную аномалию. Откуда вообще взялись эти люди в философском сообществе, затмившие собой по формальным показателям многих признанных авторитетов? Наверное,

из виртуального пространства или из той самой провинциальной и школьной философии, которая не зависит от географического положения авторов. Если наши чиновники и научные менеджеры будут и дальше так бездумно копировать западные системы оценки научных результатов, то мы получим ещё и не таких виртуальных монстров.

Розин Вадим Маркович

Главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор.

E-mail: rozinvm@gmail.com

1. Мне кажется, вопрос поставлен неправильно. Раньше и философия была другая, и крупные имена в философии часто появляются лишь значительно позднее, после смерти носителей этих имен. В настоящее время философия опирается на разные научные дисциплины и практики, собственный вклад философов не так очевиден, требуется специальный анализ, чтобы его понять.

Думаю, гении есть и сегодня, они всегда налицо, только для того, чтобы гений показал себя, раскрылся в качестве гения, нужны особые условия. К примеру, Галилей мог появиться, когда сложились определённые условия (новое понимание природы, а также работы Архимеда, Н. Орема и Н. Кузанского). Наконец, чтобы серьёзно отвечать на подобные вопросы в настоящее время, нужны специальные методологические и научноведческие реконструкции.

2. Точка зрения, согласно которой философы занимаются производством идей, концептов и конструктов, описывающих и объясняющих мир сквозь призму всеобщего, на мой взгляд, только сбивает с толку. Философ занимается критикой и распредмечиванием реальности, которая, с его точки зрения, уже исчерпала себя и поэтому должна уйти со сцены истории. Философ конституирует новую реальность, но посредством нормирования новых способов получения знания о мире, другими словами, устанавливаясь по-новому в мышлении. Не менее существенно то, что, делая всё это, философ отвечает на настоятельные вызовы времени, но отвечает, так сказать, личностным способом. Имеется в виду, что, конституируя новую реальность, отвечая на вызовы времени, философ реализует себя, вступает в диалог со своими учителями и другими мыслителями, проводит собственное видение реальности и понимание проблем. Конституируя новую реальность, философ обсуждает и задает сущность интересующего его явления.

Теперь относительно парадигм и программ. Одно не исключает другое. На основе реализации определённой исследовательской программы может сложиться научная парадигма в философии. Например, в рамках Московского методологического кружка были заявлены три исследовательских программы (построения теории мышления, теории деятельности и концепции мыследеятельности). Из них к настоящему времени были реализованы первые две программы, а третья только намечена к реализации. В совокупности работы Г. П. Щедровицкого задают примерно то, что можно назвать «парадигмой классического отечественного варианта методологии ММК».

Однако помимо определённых направлений отечественной философии (марксистского, феноменологического, синергетического и др.), с которыми связаны исследовательские программы и парадигмы (но их требуется ещё до-

полнительно реконструировать), в российскую философию делают вклад отдельные большие философы, которых трудно подвести под какую-то исследовательскую программу или парадигму философии. Навскидку я бы назвал два таких имени, как Александр Павлович Огурцов и Светлана Сергеевна Неретина.

3. Здесь многое зависит от того, как понимать, что такое философия и социальный институт. Я лично различаю три плана социального института. Институт как *становящееся образование* (формирование определённой социальной проблемы или потребности, популяций, заинтересованных в их разрешении и удовлетворении, изобретении средств и процедур решения этих проблем, осознания сложившихся решений). Институт как *ставшее образование*. Здесь различаются миссия или идея института, процедуры и организация, материальные и духовные опоры и др. компоненты. См., например, работы М. Ориу и В. Г. Марача. И институт в системе других институтов и в контексте культуры. С точки зрения этих различий и генезиса самой философии, можно с уверенностью утверждать, что философия в современной культуре институционализирована. Другое дело, что в России, и возможно, в ряде других стран, институт философии подвержен сильному влиянию бюрократизации и воздействию других институтов (один из последних примеров – передчинение Института философии РАН – ФАНО).

Но философия не только социальный институт. Это ещё и особая форма и способ жизни философа (см. работы Пьера Адо). Как личность философ, если он только философ, а не специалист в области философии, принципиально свободен. Как подлинная личность, он, по словам Владимира Соломоновича Библера, преодолевает культурную и социальную обусловленность, и в этом отношении постоянно выскользывает из-под контроля философии как социального института. Более того, например, Мишель Фуко пишет, что «нужно защищать себя так хорошо, чтобы институты вынуждены были **реформироваться**. В словосочетании «защищать себя» возвратное местоимение имеет решающее значение».

4. Опять, что значит полноценное философское сообщество? Если речь идёт о философии как социальном институте и если у нас есть идеал или норма этого института (а есть ли они у нас?), то мы можем осмысленно ответить на заданный вопрос. Но если социальный институт есть орган культуры, в данном случае российской на современном этапе её развития, а также если речь идёт о философии как способе и форме философской жизни личности, то вопрос о философском сообществе очень сложный. В каком-то смысле оно есть, а в каком-то смысле философского сообщества у нас нет. Чтобы ответить определённо, необходимо специальное исследование. То же самое по поводу «периферийной философии». Отдельные периферийные философы могли бы успешно работать в Москве, а очень-очень много московских философов без больших потерь для философии могли бы покинуть столицу. Если философское сообщество в целом не сложилось, то имеет ли смысл его делить в отношении периферии и центра? Не знаю.

5. На этот вопрос как раз ответить легко. Да, в России существуют философские школы. Лично я вышел из методологической школы ММК и у меня был учитель – Георгий Петрович Щедровицкий. Хотя я никого сознательно

не учил и не ставил задачей создавать философскую школу, человек 10 называют меня своим учителем (это их право). Я знаю много философов, которые называли в качестве своих учителей Библера, Ильенкова, Мамардашвили, М. Розова и др. Но это не означает, что за каждым из них стояли философские школы. Чтобы понять, какие все-таки школы у нас сложились и продолжают работать, нужны специальные исследования и реконструкции. В отношении ММК такую работу я начал проводить. В частности, реконструировал этапы формирования этой школы, основные программы и идеи, отчасти, личность лидера.

6. На мой взгляд, РФО на развитие российской философии большого влияния не оказывает. Оно провинциально и второстепенно в плане идей, хотя и работает в столице и в Институте философии. Во всяком случае, Вестник РФО мне мало интересен, а философские конгрессы мало содержательны, это такая поверхностная философская тусовка. Но может быть, я ошибаюсь.

7. К сожалению, преподавание философии в наших университетах оставляет желать лучшего. Сделаю отступление, чтобы поделиться своими размышлениями в этой области и результатами практики преподавания. Как правило, курсы преподавания философии в высшей школе строятся по следующей незамысловатой схеме: авторы определяют, что такое философия, её сущность и функции, затем рассказывают о взглядах крупных философов, философских системах, отдельных направлениях философии, проблемах, которые в философии обсуждаются. Некоторые ухитряются даже изложить историю философии. При этом приходится становиться на точку зрения изложения философских идей, проблем и целых учений, предельно упрощая и схематизируя их содержание, отбрасывая многочисленные различные их истолкования в истории философской мысли, игнорируя реальный факт непонимания многих смыслов философских представлений и понятий. «А как же иначе?» – мог бы спросить преподаватель философии, – «разве изложение философии не должно быть ясным и понятным?». Безусловно, но ведь это не эквивалентно тому, что сами философские представления и понятия должны быть освобождены от многозначности, различных истолкований, понимания и непонимания. Изложение философии как ясной и однозначной реальности, как системы философских знаний о мире или человеке, как ещё одной, самой общей, но, по сути, точной науки, на мой взгляд, не только не открывает философию для студента, но напротив, закрывает его сознание для постижения философской мысли, и часто, навсегда.

К тому же современная философия мало похожа на традиционную. На смену классическим всеобъемлющим философским системам, с которыми мы связываем имена гениальных мыслителей-философов (Платона, Аристотеля, Плотина, Ф. Бэкона, Локка, Декарта, Канта, Гегеля и др.), пришли частные философские концепции и осмысления. Их много, они строятся на разных ценностных и онтологических основаниях. Как правило, представители этих философских течений полемизируют друг с другом. Многие объекты философской мысли (человек, культура, язык, наука, природа, техника) анализируются другими гуманитарными науками – в истории, культурологии, социологии, языкоznании и т. д., в результате в настоящее время не ясно, где проходит граница между философией и гуманитарными науками. Что же, спрашивается, в таком случае делать?

Выход из подобных ситуаций был намечен ещё в конце прошлого столетия в рамках методической школы, которая в России была очень сильна. Учить нужно не знаниям, утверждали представители этой школы, а мышлению и способам деятельности. Очевидно, в курсах преподавания философии не имеет смысла пересказывать основные философские системы и взгляды крупных философов. Цель должна быть другая: ввести в реальность философской мысли и работы, сориентировать студента в «ментальном пространстве» философии, то есть обрисовать основные подходы и направления философской мысли, основные темы и проблемы, обсуждаемые в философии.

Исходить из истинного знания философии и форм её преподавания я не могу, они мне не даны, да и вряд ли такое знание существует. Кто, спрашивается, будет судьей в выборе той или иной концепции философии или способа её преподавания? Я могу опираться лишь на свой опыт и размышления. Попробую суммировать их.

- Овладение философией (погружение в неё, ориентировка в философии и т.п.) не может происходить на основе усвоения философских знаний или «образовательных философских нарративов» (т. е. повествований о философии). Овладение философией предполагает значительную работу мысли, обращение к своей жизни, прохождение пути, на котором необходимо преодолевать различные затруднения – стараться понять непонятное, уяснить (рефлексировать) чужие и свои представления, вырабатывать собственную позицию, совершать поступки и прочее.

- Опираться при этом можно, с одной стороны, на анализ философских произведений (философских первоисточников и комментариев к ним), с другой – на гипотезы, характеризующие время, культуру и личность философов, создавших данные произведения, а также возможную логику построения этих произведений. Идея здесь простая: понять философское произведение (философский нарратив) можно, уяснив (это предполагает специальную реконструкцию), как оно создавалось, какие социокультурные и личностные факторы играли при этом существенную роль. С одной стороны, нужно восстановить и понять ту личную и объективную ситуации, в которых творил философ, с другой – встав в его позицию, осуществить вместе с ним основные шаги, приведшие к созданию философского произведения.

- Анализ и реконструкция философских произведений позволяет параллельно обсуждать, что такая философия и каковы её особенности. При этом важно учитывать, что философия и философская мысль меняются, развиваются; это не исключает наличия в них определённых инвариантов.

- Роль педагога в процессе овладения философией напоминает позицию «сталкера», проводника. Вместе со студентом он преодолевает различные интеллектуальные трудности, решает проблемы, обсуждает природу и особенности философских произведений и самой философии. Хотя он знает «путь», по которому ведёт «подвигающегося» в философии, но каждый раз сам обнаруживает, что многое в «местности», где они путешествуют, изменилось и нужно заново прокладывать тропинку.

- В качестве материала для анализа и реконструкции должны быть взяты такие избранные философские произведения, которые позволяют сформулировать основные гипотезы и представления о характере философской мысли

и природе философии. Сквозной и всеобъемлющий анализ философских произведений и невозможен, и не нужен.

- Анализ избранных философских произведений может быть дополнен «генезисом» (то есть теоретической реконструкцией происхождения и развития) философского мышления. В результате возрастает вероятность того, что не будут пропущены какие-то существенные для современной философии моменты.

- Поскольку судьба философии в нашей культуре тесно связана с судьбой науки (философия является одним из основных механизмов конституирования науки и, одновременно, сама обусловлена идеалами и материалом науки), поскольку генезис философской мысли должен включать в себя и анализ формирования основных этапов и идеалов науки.

Исходя из этих установок, я и читаю в последние 12 лет семестровый курс «Введение в философию» для студентов философского и политологического отделения Государственного академического университета гуманитарных наук. Курс состоит из лекций и работы в творческих группах. Групповая работа может быть понята как пример новой образовательной практики. Своих студентов я рассматриваю как новое поколение, которое на лекциях и в группах, заново, по-своему устанавливается относительно содержания, которое я им стараюсь передать. Поэтому сдвиг в понимании, произошедший в последние два года, и яркая креативность многих студентов (это продемонстрировали рефераты) вполне закономерны, хотя меня и приятно удивили.

Философию нужно преподавать факультативно, под запросы студентов или будущих работодателей. Например, в технических университетах стоит читать разделы из философии техники (кое-что из истории техники, понятие техники и техногенной цивилизации, понятие технологии, последствия научно-технического развития, представление о рисках и оценке техники, принципы инженерной этики).

Подлинный философ не может остаться без работы, поскольку философование – это образ жизни. А судьба философа-специалиста-педагога зависит от общих институциональных реформ в России. Все говорят, что они неотвратимы, вот только когда начнутся, никто сказать не может.

8. Думаю, на **творчество** философа показатели типа РИНЦ никак не влияют, хотя на зарплате они как-то сказываются. Хотя индекс Хирша у Хайдеггера был бы занебесный, это никак бы не повлияло на взгляды представителей других философских направлений. Если под измерением понимать осмысление деятельности и творчества философа, то оно не бессмысленно.

Смирнов Игорь Павлович

Профессор Университета г. Констанц (Германия)

E-mail: ipsmirnov@yahoo.com

1. В России не было философов, равных по революционному вкладу в мышление Декарту, Канту и Ницше. Из французских постмодернистов я бы поставил в ряд с названными философами (где, кстати, Шеллинг, Гегель, Маркс?) прежде всего Жака Деррида. Если русская философия и бывала решительно новаторской, то в принципиально нереализуемых – подрывающих себя – проектах (вроде воскрешения отцов, которым Николай Федоров рискнул

заменить религию человечества Огюста Конта). Воздействие русской философии на западноевропейскую мысль оказывалось, как правило, не слишком длительным (можно вспомнить в этой связи о не выдержавшем испытания времени авторитете Николая Бердяева и Льва Шестова). Одним из самых влиятельных из отечественных мыслителей стал Александр Кожёв, но в качестве толкователя Гегеля, а не как создатель оригинальной доктрины. Некоторое исключение из сказанного – Михаил Бахтин, действительно завоевавший интеллектуальный рынок Запада. Я не думаю, что философия в наши дни вышла из употребления, как бы ни была сильна докса электронной коммуникации (всех со всеми). В качестве, например, политфилософии (Ален Бадью, Славой Жижек и др.) умозрение по-прежнему притягивает к себе публичный интерес.

2. Философия есть речь об общезначимом, противопоставленном частнозначимому. Существует множество разных подходов к конструированию общезначимого (оно принимает вид то первообразов, то Бога, то природы, то творческой эволюции, то бытия и т. д.) и, соответственно, целый ряд парадигм, на которые распадается философия. Русская философия, запограммированная Петром Чаадаевым, была по преимуществу философией истории (включая сюда отечественный марксизм). Ответ на вопрос, каково её современное состояние, зависит от того, сочтём ли мы нынешнее положение дел в ней потерей или продолжением этой традиции. От дальнейших суждений на сей счёт я воздержусь: о коллегах *aut bene, aut nihil*.

3. Институционализация философии выполняет свою задачу, если такого рода учреждение (например, платоновская Академия) самодеятельно. В той мере, в какой университеты автономны (в России краткая эра их суверенности завершилась), они также представляют собой благоприятную для философствования среду. Любое покушение на организационную самодеятельность философии (прежде всего со стороны государства, но также со стороны всяческих идеологизированных коллективов) губит её или, в лучшем случае, сужает её возможности.

4-5. Думаю, что деление на центр и периферию в сегодняшней России так же несущественно, как и на Западе, – тем более в отношении философии, которая, где бы она ни создавалась, из какой бы глупши (допустим, из Шварцвальда, где когда-то обосновался Мартин Хайдеггер) ни подавала голос, центрирует собой мир, подлежащий постижению. Идеал единого философского сообщества в отдельно взятой стране кажется мне не выдерживающим проверки реальностью. Обычно философия бытует в соперничестве разных школ и разных индивидуальностей в рамках какой-либо одной господствующей школы, скажем, внутри североамериканского pragmatизма. То же верно и применительно к эпохальным философским инициативам. Вольтер и Руссо полярны, несмотря на общую принадлежность к Просвещению. Чем более деятельность философов организуется в виде «сообщества», тем более она погрязает во внутреннем обмене текстами, становится инфляционной и инцестуозно вырожденной (как в случае «аналитической философии»). Но при выполнении точечных проектов («Энциклопедия» д'Аламбера и Дидро, «Вехи») коллективный труд может быть плодотворным. Социализуема ли философия? Нет. Способствует ли её поступательному движению дружеский круг? Да.

6. Для обсуждения философских проблем нужны рабочие группы. Держаний от больших философских конгрессов ожидать не приходится. Они подражают церковным соборам (ибо в философии, как в знание обо всём, можно только верить), но время установления догматов давно миновало.

7. Преподавание философии в известном смысле невозможно, потому что она не дисциплина среди прочих отраслей знания, а творческая способность человека думать *in extremis*, достигая последней границы мыслимого. Преподавание же истории философии – острейшая необходимость: оно открывает молодым людям тот, не всегда очевидный для них факт, что они принадлежат к млекопитающим, перешедшим по ходу эволюции в класс *homo sapiens*, то есть переставшим быть озабоченными одним лишь выживанием.

8. Философский гений, как и всякий прочий, определяется тем, что он даёт новое начало своему дискурсу, закладывает основу парадигмы, которой пока не бывало. Никакие рейтинги не способны отразить такие решительные повороты в развитии дискурсивных практик. Попросту говоря, качество, чем оно выше, тем неизмеримее.

Смирнов Сергей Алевтинович

Ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН, доктор философских наук, главный редактор журнала «Человек.RU».

E-mail: smirnoff1955@yandex.ru

1. Забегая вперед, скажу, что сделать, сконструировать можно, действительно, медийный персонаж. Но великого философа не слепить. Невозможно «сделать», надуть из обычного преподавателя философии великого философа, да и просто философа. Природа мысли будет сопротивляться. А вот что такое масштаб мысли философа и что есть философ мирового уровня – это вопрос не праздный. И он относится не к конъюнктуре и моде. Он относится к онтологическому окаянству мыслителя. И. Кант в своё время разводил понятия школьной и мировой философии. У нас много школьных философов, но мало мировых, потому что на окаянство, то есть на то, чтобы выполнить своё предназначение, отдать себя в жертву, как в древнем ритуале жертвоприношения, сгореть в огне божественной мудрости – не каждый ответит. И это не оценка. Это просто нормальное человеческое желание сохраниться. Но именно нормальное. Потому что мыслить об онтологических пределах – вещь не нормальная, то есть, не обязательная. Поэтому и великих философов не так много, и это тоже объяснимо. И среди философов в России были прецеденты онтологической жертвы. Кстати, русский философ – странное сочетание, как и сочетание немецкий, французский. Ведь Р. Декарт писал на латыни свои «Медитации», а П. Я. Чаадаев свои письма писал на блестящем французском. Я бы назвал имена – П. Я. Чаадаев, П. А. Флоренский, Л. С. Выготский, М. М. Бахтин, М. К. Мамардашвили, Г. П. Щедровицкий, Э. В. Ильинков. Из последних я бы назвал В. В. Бибихина.

Из ныне живущих называть не буду. Но не потому, что сделали меньше. А потому, что масштаб философа оценивается потом, после его жизни, степенью предельности мысли, степенью его жизненного, биографического окаянства и экзистенциальной жертвенности. Но не фанатизма. А это видится на расстоянии.

2. Да, Ж. Делез, Ф. Гваттари так и отвечали – что философия занимается производством концептов. Но за этим стоит и другое – каких концептов? Какое содержание свернуто в концепте, какой тип мышления демонстрирует философ, какую картину мира или действительность он полагает в своем концепте? И тогда мы всё равно приходим к тому, что философы в своей предельности (в мысли об онтологических пределах) всё же и онтологию полагают разную. И тогда мы говорим о парадигмах. То есть, о разных типах мышления. А разный тип мышления воплощается в разных типах исследовательских программ, что в своё время параллельно И. Лакатосу у нас пытался осмыслить Г. П. Щедровицкий. Следовательн, выше названные Декарт-Кант, затем Маркс, затем Хайдеггер, затем Делез-Фуко (и их предтеча Ницше) работали в разных парадигмах. Можно называть их классическими, неклассическими, это не содержательные характеристики. Но можно называть парадигмы по типу мышления, оптике мысли, по концептуальному каркасу, по роли в них понятийно-терминологического ряда. Например, отказ от поиска сущности в пользу отношения к термину не как к тому, в котором никакая сущность не скрыта, а как к тому знаку-указателю, который направляет и регулирует, то есть переход от субстанциального типа мысли к навигационному, ориентировочному – это переход к иной парадигме мышления.

3. Не верьте тому, кто говорит, что философ не нуждается в общении, он сам себе Бог или одиночка. И, якобы, к философии не применимо понятие институции. Кто так говорит, тот либо лукавит, либо сильно заблуждается. Несмотря на то, что философ, конечно, в своём окаянстве мысли находится один на один с Богом, но результатом мысли он всегда хочет поделиться, показать другому, по принципу: смотри, как у меня, покажи, как у тебя. Гёте, как только придумал протофеномен растения, побежал к Шиллеру рассказать ему об этом. Разумеется, философы нуждаются в своих интеллектуальных сетях и коммуникациях. И это нормально. Не нормально, если этих коммуникаций почти нет и общаться почти не с кем. В этом плане в России интеллектуальная среда сильно разрежена.

Мне, например, по поводу моей антропологии общаться в Новосибирске просто не с кем. Я обсуждаю свои идеи и совместные проекты с коллегами из Москвы, Питера, Красноярска, Томска, Германии и других мест. Но не с теми соседями, которые живут рядом в родном городе. В то же время без институциональных форм философия вымирает. Если же забытое имя когда-то возрождается, то это происходит не вдруг, а именно благодаря институциональным формам – работают кафедры, лаборатории, университеты, издаются журналы, проводятся конференции. И философ-одиночка, имя которого было при его жизни или сразу после смерти подвергнуто забвению, начинает вновь оживать, но именно благодаря тому, что его работы были вновь включены в интеллектуальные сети и коммуникации.

4. Исходя из выше сказанного, можно говорить и о философском сообществе. С одной стороны, оно, разумеется, в России есть. Есть институции, связи, сети и лидеры. Но эта сеть сильно сконцентрирована в Москве и Питере. В других городах вокруг университетов и институтов есть исследовательские группы. Но их мало. В основном это всё та же школьная философия, большая

группа преподавателей и знатоков философских текстов и толкователей. Говорить об авторской мысли сложно. Но если вспомнить историю, то вообще-то, самое интересное в философской мысли рождалось на географической и культурной периферии. Ф. Ницше не был философом *ex cathedra*. То же самое можно сказать и о М. Фуко. М. Хайдеггер долгое время философствовал в лесу Шварцвальда. М. К. Мамардашвили был выдвинут из официальных структур и наезжал в Москву со своими лекциями о Декарте и Канте, которые становились событиями философской жизни.

Г. П. Щедровицкий же всегда считался маргиналом, свою методологическую мысль он оттачивал не на кафедрах и конференциях, а на своих семинарах и играх. Э. В. Ильенков свои ответы на вопросы о том, с чего начинается личность, и какова природа сознания, и кто прав, Фихте или Спиноза, оттачивал не в Институте философии, а в Загорске в интернате при работе со слепо-глухонемыми детьми. А кружок М. М. Бахтина в своё время собирался не в Петербурге, а в Невеле и Витебске. Кружок М. А. Розова в Новосибирске тоже собирался не на кафедре философии НГУ, а у него на квартире.

Сейчас ситуация более сложная. Нет такой радикальной разницы между привычными столичными центрами и периферией. И главное – нет такого содержательного разрыва. Разница – в количестве, концентрации и предельности мысли. Она остаётся. Но ведь и сама активность центра и периферии фактически перешла в иные форматы – в виртуальные сети, где нет центра и периферии, в новые разнообразные формы активности, масштаб и ценность которых ещё предстоит осмысливать. Мобильность и интенсивность контактов усилилась и стала более разновекторной и разномасштабной. Это воплощается в том, что в разных городах работают интересные авторы, издаются журналы, собираются интересные семинары и конференции. А предельность и глубина мысли разных авторов зависит не от географии и не от сопротивления цензуре власти, а от постава себе онтологической рамки, от собственного окаянства. Многие, даже интересные авторы, излишне увлечены конъюнктурными делами – цитированием, публикациями, журналами, статусами, защитами, степенями, званиями. А времени на мысль уже не хватает. Мысль оказывается часто купленной и ангажированной – статусом, положением, зарплатой, званием.

5. Всё же, научная школа действительно носит имя основателя. Философская школа здесь не исключение. Можно добавить Академию М. Фичино. Школу Конфуция. Мы же говорим между собой об «ильенковцах», о «щедровитянах». А далее школа разветвляется, образуются сети и коммуникации. Но относительно философских школ необходимо учитывать специфику. Школа Н. Бора или Школа

П. Капицы по физике вынуждены существовать вокруг институций и лабораторий. Без физических экспериментов там ничего не произойдет. А вот школа философов превращается в сеть, поскольку мыслить можно в разных форматах, в разных междисциплинарных структурах и коллективах. Поэтому школа в философии превращается из отдельной институции типа кафедры и университета в институции сетевые и проектные. В настоящее время вообще происходит смена субъектов-носителей и институций, носящих прецеденты философской мысли и философской практики. И сам философ перестал в этом смысле быть мыслителем-одиночкой. Он работает со своей функцией

философа, осмысляющего феномены и процессы, но в больших межведомственных и междисциплинарных коллективах. Даже если он сидит в кабинете (что тоже не обязательно) и осмысляет процессы и проблемы, то именно те, которые ставятся в рамках крупных проектов, в которых строятся гибридные форматы и научно-художественные и междисциплинарные предметы исследований. А сами исследования носят характер не классических объектных описаний с протоколами наблюдений, а проектно-ориентированных разработок, включённых в стратегии и программы развития.

Но сам факт идентификации и авторства той или иной философской группы или школы никуда не ушёл. Мы знаем о тех или иных исследованиях или работах, разумеется, по именам авторов, и прежде всего по именам лидеров тех или иных философских групп или школ. Или просто по именам основных авторов. Эти авторы есть, они известны. Другое дело, что связь учитель – ученик институционально трудно подкрепить. Занятие философией остаётся личной амбицией человека. И даже если у него появляются последователи, это вовсе не означает, что у него появится школа.

6. К Российскому философскому обществу никак не отношусь. И никогда не публиковался в Вестнике РFO. Хорошо это или плохо – не знаю. Это просто констатация. Но также констатацией является и то, что размещенный в НЭБ Вестник РFO, выходящий с 1999 года, не имеет никакого импакт-фактора. И статьи этого Вестника даже в НЭБ размещаются не систематически. Этот журнал не является коммуникативной площадкой, как-то организующей философские сообщества и группы. Вестник живёт своей жизнью, а философские сообщества своей. Равно как и философские конгрессы проводятся сами по себе. Они не являются событиями философской жизни. Просто потому, что в их работе принимают участие не философы, а философские функционеры, институционально привязанные к учреждениям – деканы, заведующие кафедрами, академики, профессора и т. д. При организации и проведении философских конгрессов их устроители смотрят не на имя и проблематику, а на статус. Именно это и мешает им быть событиями в философской жизни.

7. Философия как обязательный учебный предмет в вузе – наследие советской эпохи. Понятно, что тогда «преподавалась» идеология. Затем она ушла и вместо идеологии стали «преподавать» Декарта с Хайдеггером. И они в итоге умерли второй раз. Поэтому я бы обсуждал не преподавание само по себе, а сам статус кафедр философии и способ существования, формы институционализации философии в университетах. Философию, разумеется, надо оставлять в вузах. Но здесь мы сталкиваемся с рядом проблем. В том виде, в котором существует сейчас преподавание философии в вузах – этого категорически не должно быть. Это бред и извращение. Но приобщение студентов к образцам мышления и культурным текстам должно быть. Но в формате авторских спецкурсов, спецсеминаров, факультативов. И здесь возникает проблема – кто и как формирует эти курсы, объёмы и форматы курсов, нагрузку и вообще роль и место таких философов, ведущих только такие спецкурсы, на которые можно и нужно записываться слушателей, но только на добровольной основе. А дальше – отбор. Кого заденет, тот и останется. А сдавать зачеты и экзамены по философии Платона и Ницше – это издевательство.

Другое дело, что, коль скоро у нас тысячи преподавателей философии (как тысячи преподавателей психологии, экономики, математики), но мало философов, математиков, экономистов, то есть, мало действительно учёных, исследователей с авторским именем, то возникает социальная проблема трудоустройства тысяч ничего не умеющих доцентов и профессоров. Куда их деть? Впрочем, эта проблема решаема. Достаточно поменять ФГОС.

Отдельной проблемой является профессиональная подготовка философов. Нужно просто более жёстко подходить к отбору студентов. Философское дарование, фактически, такое же явление, как дар скрипача или математика, или шахматиста. С одной стороны, нужен дар, но с другой стороны, дар необходимо пестовать, необходимо выстраивать систему мастерских, как, например, в театральных вузах. Как, например, проводится набор в мастерскую О. Табакова. Такой же набор можно было бы делать в мастерскую философа имярек. Это в принципе тоже решаемый вопрос, чисто технический. Было бы желание и согласие чиновников от образования и науки. Но то, что философия тоже должна быть пройдена неофитом как школа, имеющая и свою мастерскую, свою вышколенность, свои опорные тексты, языки, свои компетенции и навыки – это однозначно. Именно выучки и школы многим современным философам и не хватает. В итоге получаем демагогов и идеологов.

8. Наукометрия давно стала одной из научных направлений. И это нормально. Но только для того, чтобы понимать и управлять процессами, происходящими в науке и научных сообществах, а не для того, чтобы увязывать статус и зарплату философа с его публикационной активностью. Одно дело – составление рейтингов и построение системы мониторинга с целью исследования научных сетей, процессов и сообществ, другое дело – превращение показателей публикационной активности и индексов цитируемости в обязательные формы отчётности. Разумеется, никакие индексы не заменят вклад философа в научную мысль. Кстати, индекс Хайдеггера сейчас был бы весьма высок, поскольку как раз публикаций и конференций, связанных с его наследием, целый океан. Но всё же надо разводить разные задачи. Если исследователь занимается наукометрией, то ему было бы важно строить адекватную систему мониторинга. Если же мы хотим понять роль и место философа в современном научном сообществе, то существующие рейтинги не могут это место заменить. Поскольку философ, как любой автор – вненаходим. И его место в бытии определяется не рейтингом, а отзывом, но уже от «провиденциального собеседника», который ещё, наверное, и не родился.

Тульчинский Григорий Львович

Доктор философских наук, профессор НИУ Высшая школа экономики (Санкт-Петербург), профессор Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ.

E-mail: gtul@mail.ru

1. Если включить XX век, то это М. М. Бахтин, только сейчас заново открываемый на Западе, где его с подачи Ю. Кристевой восприняли как структуралиста. Да и у нас его рецепция имела обратный характер – от работы о Рабле – к философии поступка. Только с самого конца прошлого столетия младший

Бахтин предстаёт глубоким метафизиком нравственности, сопоставимым с М. Хайдеггером, М. Бубером, Э. Левинасом. А крылья у имяславцев, у Г. Г. Шпета подрезали.

2. Давно пришёл к необходимости различать философствующих и философов, которые делятся радостью узнавания философствования других. Редко кто из философов-преподавателей способен к самостоятельному философствованию. Для российской философской культуры характерны именно философствующие. Философ в России – это не кабинетный или кафедральный персонаж типа Канта или Гегеля. Это человек с судьбой, с идеей, за эту идею ещё и пострадавший...

В синодиках диссертационных введений и авторефератов в качестве философов упоминаются авторы, не работавшие на философских кафедрах: С. Аверинцев, Н. Бахтин, Н. Бердяев, Л. Гумилев, А. Лосев, Б. Поршнев, Н. Федоров, С. Франк, Л. Шестов, В. Соловьев, Л. Карсавин - в России были отлучены от преподавания, как и М. Мамардашили, и А. Зиновьев... И никак нельзя забывать о таких мыслителях, как Ф. Достоевский, Л. Толстой...

Про программы и парадигмы плохо вопрос понял. Но, если говорить о русской философии, то она вторична и эхолалична – возникла и развивалась как отзвук европейской философии – вплоть до наших дней. Она не выработала самостоятельную оригинальную онтологию², теорию познания, методологию, логику. Главные её темы – личность и общество, свобода, судьба России. Но зато эти темы обсуждаются глубоко, на высоком эмоциональном градусе вовлечённости. Как говорят во дворе – у кого, что болит – тот о том и говорит. Правда, и в этом отечественная философия не оригинальна. Такие тематизации выходили на первый план и в немецкой философии, и в итальянской, и в польской. Обычно такую акцентировку связывают с рефлексией переживания национальной травмы. А по части таких затянувшихся переживаний мы, наверное, впереди планеты всей. Но по части свободы, персонологии отечественная философия внесла заметный вклад.

3. В общем-то, уже ответил на этот вопрос в п.2. Философию как институт формировали в советское время, попытавшись превратить, в вольфганскую систему философствования, в нормативную, мировоззренческую и методологическую систему. Чем и дискредитировали философию, превратив её в идеологический жупел, с помощью которого вешали ярлыки, расправлялись с неугодными, громили науку и вообще всякую оригинальную мысль.

Между тем, философия, как осмысление предельных вопросов бытия и его познания всегда вторична по отношению к повседневным практикам, религии, науке, искусству, всегда питалась и питается с их стола, отбирая с него смыслы и упаковывая их в предельные рефлексии. Вектор развития культурных смыслов идёт не от философии к ним, а наоборот. Философия влияет на другие сферы культурного опыта через популяризацию, образование, а не непосредственно.

4. Философское общество – как НКО – существует, и даже пытается проводить конгрессы, издаёт бюллетень. Есть школы, направления, даже журналов

² Разве что русские космисты внесли некоторый вклад в натурфилософию.

уже больше, чем два. Но в плане позиционирования в общественном сознании в стране и за рубежом, философское сообщество очень чётко делится на московское и остальное. Дело не только в снобизме сотрудников ИФ РАН, но и в том, что зарубежные коллеги и редакторы редко добираются даже до Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга, Саратова, Ростова-на-Дону, Калининграда, Казани, Перми, Сыктывкара. А я только навскидку перечислил города, где работают нетривиальные авторы.

5. Да, такие школы есть. В упомянутом Саратове, как минимум, две философские школы. То же самое в Екатеринбурге, Перми. И там не один, и не два видных лидера, сообщества учеников, свои медиа. Например, в Сыктывкаре возникла новая точка роста философии и семиотики культуры.

6. Полагаю, что ответил на этот вопрос в п.4.

7. Давно и принципиально убеждён, что философию в высшей школе имеет смысл преподавать только на философских факультетах и курсах. В принципе философии и логике место в средней школе, а в вузе их преподавать уже поздно. А вот в 13-17 лет – самое то. Но не в виде лапидарного чтения философских дисциплин, как это делают наши постсоветские вузовские преподаватели, а как школы постановки вопросов и поиска ответов на них. Недаром у нас неоднократно предпринимались попытки реализации таких учебных проектов: в Санкт-Петербурге, в Ростове-на-Дону, в Екатеринбурге. И реализации были очень успешными – настолько, что вызывали реакцию со стороны органов методического руководства. Но это хороший способ «выжить» для «профессионалов философии», к которому они не привыкли. Ведь придётся говорить на понятном языке с детьми, а не сыпать терминами, смысл которых не понимают даже философы других направлений.

Также полагаю, что претензии на кандидатский экзамен по философии – атавизм советского времени. Молодых учёных-естественников, да и социологов, гуманитариев надо учить профессии, знакомить с методологией и историей науки, её позиционированию в социуме.

Но всё это отнюдь не исключает профессиональные публикации как в периодике, так и монографии, проведение профессиональных дискуссий.

8. Отношусь резко отрицательно. Наукометрия важна для библиографов, но не для оценки работы учёных. А так наука сводится к реквизитам публикаций, контент которых никого не интересует. Ни у Хайдеггера, ни у Канта, ни у Шкловского никаких позиций в рейтинге бы не было, потому что они практически не публиковались в журналах с высоким импакт-фактором. А монографии, как сказал один руководитель серьёзного университета, может каждый дурак написать.

И в этом плане философы в том же положении, что и другие гуманитарии, социологи, которых заставляют публиковаться в сомнительных изданиях за деньги, где эти публикации покоятся как в братских могилах. А такая наука никому не нужна, она дискредитируется на корню. Или уходит в другие формы бытования, к рейтингованию не имеющим никакого отношения